

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Л. В. Озолия

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

О жанровой структуре фольклора ороков (ульта)

Аннотация: Предпринимается попытка предварительного рассмотрения жанровой структуры орокского фольклора, который до настоящего времени не являлся предметом специального исследования. Вероятно, одной из причин являлось отсутствие коллекций орокских фольклорных материалов, записанных даже не на орокском языке, а хотя бы в русском переводе (несколько таких текстов из архива Л. И. Сем и Ю. И. Сем опубликованы только в 2011 году). Готовящиеся к печати экспедиционные записи из архива К. А. Новиковой (25 текстов) и записи автора (23 текста), дополненные материалами Т. И. Петровой (10 текстов) и японского исследователя Дзиро Икегами (27 текстов, с японскими переводами, из них 4 текста – с английским переводом) могут служить основой для создания представительного тома орокского фольклорного наследия, что позволит специалистам-фольклористам оценить его специфику и неповторимость, поскольку ныне язык находится на грани исчезновения.

The paper attempts a tentative analysis of the Orok folklore genre structure understudied up to now. Possibly, this is due to the lack of representative collections of the Orok folklore materials registered, if any, not in Orok but in Russian (some of the materials could be found in the archives of L. I. Sem and Yu. I. Sem published just in 2011). The field materials to be published, including the materials collected by K. L. Novikova (25 text materials) and registered by the author (23 texts) and supplemented by T. I. Petrova (10 texts) and researcher from Japan J. Ikegami (27 texts translated into the Japanese language, including 4 texts supplied with the translation into English) may be used as a basis for creating a most representative volume of the Orok folklore heritage which would allow folklore specialists to evaluate its specificity and uniqueness for the language in question is one of the endangered ones.

Ключевые слова: орокский фольклор, жанровая структура, тексты, экспедиционные записи, орокский язык.

Orok folklore, genre structure, text material, fieldwork registration, Orok.

УДК 398.22

Контактная информация: Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Институт филологии СО РАН. Тел. (383) 330-27-37. E-mail: larisa-3302803@rambler.ru

В свое время академик А. П. Окладников сказал пророческие слова: «Сохранению подлежит прежде всего эстетическое восприятие мира, которое создавалось, укреплялось, росло в течение тысячелетий, не просто веков – тысячелетий! Вот этот оригинальный неповторимый эстетический мир и нужно охранять – он очень нужен нам, всем людям нынешнего дня» [1986]. Поэтому столь важно сохранить фольклор – а через него – и язык любого, даже самого малочисленного народа именно как часть эстетического восприятия мира, как часть духовного наследия, которая, словно часть мозаики, встраивается в систему духовной и материальной культуры мирового сообщества.

Как отмечали Л. И. Сем и Ю. А. Сем в очерке, предваряющем публикацию нескольких орокских образцов на русском языке, орокский фольклор до настоящего времени изучен недостаточно. К сожалению, в публикации этих авторов образцы не имеют соответствующих текстов на орокском языке. Причем, записи не обнаружены и в архивах Л. И. Сем и Ю. А. Сем, что отмечает ответственный редактор подготовленной публикации В. А. Тураев [2011, с. 5].

Первыми серьезными фиксациями орокского языка стали коллекции Б. Пилсудского, собиравшего материалы для словаря и грамматики и записавшего параллельно несколько загадок и текстов с весьма кратким «условным» переводом на польский язык [Пилсудский, 2001]. В отечественном тунгусо-маньчжуроведении первыми можно считать фольклорные записи Т. И. Петровой, сделанные в Ленинграде в 1937 и 1949 гг. от приехавших учиться ульта (ороков), но, как отмечала сама Т. И. Петрова, «задачи литературной обработки орокских текстов и русских переводов к ним автор перед собой не ставил. ...отдавалось предпочтение текстам разнообразным по содержанию, по возможности записанным от разных лиц и, конечно, наиболее богатым различными грамматическими формами и словарным материалом» [1967, с. 126]. Однако доступными из этих записей остаются только тексты, приложенные Т. И. Петровой к своему грамматическому исследованию «Язык ороков (ульты)» [Там же, с. 126–153]. Самыми ценными и представительными российскими коллекциями по фольклору ороков стали записи К. А. Новиковой – 25 текстов на языке ульты с русскими переводами, сделанные во время экспедиций 1949–1950 гг. Причем, часть текстов К. А. Новиковой удалось полностью обработать, выверив национальные тексты и русские переводы с Доной Николаевной Андреевой, ульты по национальности [Архив Новиковой]. В 1989–2001 гг. лингвистические и фольклорные материалы на Сахалине записывали Л. Озолина [ПМА], автор «Орокско-русского словаря» [2001] и «Граматики орокского языка» [2013], а также японский исследователь профессор Дзиро Икегами [Ikegami, 2002].

В орокском фольклоре, как и в большинстве фольклорных систем других тунгусо-маньчжурских народов выделяются такие жанры, как тэлуну ~ тэлунгу, нимма ~ нимца, сахури, jāja ~ яйя (изначально – *шаманская песня*, в настоящее время – и *песня необрядовая: личная и колыбельная*), хэззэ ~ хэдде (*хороводная песня*), а также произведения паремиологических жанров: нэнэвкэ ~ нэнэвкэ, гајаво ~ гаяво (*загадки*) и запреты. «Общность терминологии и жанровой группировки на всем Дальнем Востоке, включая о. Сахалин <...>, свидетельствует об общности фольклорной традиции, сложившейся там в результате длительного взаимного обогащения» [Фольклор удэгейцев, 1998, т. 18, с. 21].

В начале 80-х годов попытка проведения жанровой классификации фольклорных произведений удэгейцев была предпринята Ю. И. Шейкиным, выделившим восемь жанровых групп: 1) повествовательную (*тэлунгу*: мифы, исторические предания и промысловые истории); 2) синкретическую (*ниманку* – повествование перемежается песенными эпизодами); 3) синкретическую ритуальную (шаманские песни в сопровождении бубна и погремушек, исполняемые во время камлания); 4) вокальную (*ехэй* – традиционные песни или песенные импровизации); 5) группу сольных музыкальных импровизаций (*гуси*); 6) группу произведений, в которых подражают голосам зверей и птиц; 7) игры и танцы (*хэ-кэку*); 8) загадки (*намбунку*) [Шейкин, 1982, с. 67–68]. Однако данная классификация, на наш взгляд, в большей мере ориентирована на музыкальные жанры, которые широко представлены в удэгейском устном народном творчестве.

Л. И. Сем и Ю. И. Сем выделили в орокском фольклоре такие жанры, «как мифы космогонические *нингма(н)* о происхождении Вселенной, Земли, людей (мифы о Хадау), тотемические мифы о происхождении орокских родов от животных (медведя, нерпы и пр.); героический эпос о богатырях, небесных женщинах-

богатырках; сказки о животных (хитрой лисе-обманщице, жадной злой вороне, красных волках и др.), бытовые волшебные сказки с заимствованным сюжетом *сахури*; устные рассказы *турпин*; предания, мифологические рассказы *тэлунгу* (легенды о межродовой борьбе, переселении родов, родовой мести, выдающихся личностях, тотемных животных, топонимические предания)», отметив широко представленные «пословицы, поговорки, дразнилки, приметы, загадки *гајаво*, запреты *эннэври* ~ *эннэури*, *папу(н)*. Музыкальный фольклор представлен песнями *яя*, *хэ э хэ хэккэ* (календарные, лирические, свадебные колыбельные, ритуальные) и частушками *яята*» [Сем Л., Сем Ю., 2011, с. 72]. По словам Л. И. Сем и Ю. А. Сем, «главным персонажем космогонического мифа ороков является культурный герой Хадау. Он творит землю, ландшафт, спасает жизнь на земле, создает культурные ценности и шаманский ритуал» [Сем Л., Сем Ю., 2011, с. 73]. Однако, собственно мифы о Хадау в опубликованных материалах орокского фольклора Т. И. Петровой, Дзиро Икегами и Б. О. Пилсудского, архивных текстах К. А. Новиковой не представлены. При этом, как отмечала А. В. Смоляк, «...легенды о множественности солнц отмечены у всех народов Нижнего Амура и Сахалина – у орочей, ороков, ульчей, удэгейцев, нивхов» [1976, с. 132–133], а Хадо ~ Хаду ~ Хадау (Долдчу-Ходай) в нанайском фольклоре выступает как герой мифов о множественности солнц. И если миф как таковой пока не обнаружен, то в «Орокско-польском словаре» Б. Пилсудский зафиксировал лексему Хадау «бог, посылающий рыбу и сотворивший землю» [2001, с. 63].

К сожалению, в имеющихся материалах по орокскому языку не удалось обнаружить не только записей мифов о Хадау, но и устных рассказов (*турпин*) и запретов (*папу(н-)*) – эти слова вообще отсутствуют в орокском языке. Не выделяет эти жанры в орокском материале и один из ведущих специалистов по орокскому языку, более 40 лет собиравший фольклорные материалы как от ульта на о. Хоккайдо (Япония), так и на о. Сахалин (Россия), профессор Дзиро Икегами. При систематизации своих фольклорных записей он ограничился такими традиционными жанрами, как *teeluŋu* (тэлуну ~ тэлунгу), *saxuri* (сахури), *niŋmaa* (ниңма), *nurseru tales* (выдуманные рассказы, сказки для детей, *gaјau* (гайяво) и *folk songs* (яйя).

Наименования жанров повествовательного фольклора ороков – **тэлу-ну** ~ **тэлунгу** – *предание, легенда, сказание*; – *миф*; – *старинный рассказ*; **ниңма** – *сказка (обычно с заимствованным сюжетом), сказание*, **сахури** – *сказка, волшебный рассказ* – схожи с наименованиями этих фольклорных жанров других тунгусо-маньчжурских народов: нанайцев, ульчей, орочей, а также эвенков, негидальцев, удэгейцев и пр. Близость жанровых систем фольклора тунгусо-маньчжурских народов Е. П. Лебедева справедливо объясняла не только общностью их происхождения, но и «единством исторического пути» [Нанайский фольклор, 1996, с. 15].

В орокском фольклоре, как вообще в фольклоре тунгусо-маньчжурских народов, традиционно противопоставляются такие жанры, как **тэлу-ну** ~ **тэлунгу** – *предание, легенда, миф* и **ниңма** ~ **нимца** – *сказка (обычно с общетунгусским сюжетом)*, **сахури** – *волшебная сказка*, т. е. здесь противопоставление идет как достоверное и недостоверное, реально бывшее и выдуманное, придуманное, разумеется, с точки зрения носителей языка как представителей этнокультуры.

Тэлуну ~ **тэлунгу** – (*историческое предание, миф, сказание*) – тип произведений с вымышленным содержанием, расцениваемых, по большей части, как произведения героико-фантастические. По мнению ряда исследователей, «термин *тэлунгу*... имеет общий корень с нивхским *тылгунд*, объединяющим повествовательные произведения нивхского фольклора в особый жанр, близкий аналогичным жанрам тунгусо-маньчжуров» [Лебедева и др., 1998, с. 21]. При рассказе

тэлуңу ~ тэлуңгу сказитель может ввести в повествование импровизацию, но «...стиль **тэлуңгу**, – отмечает Е. П. Лебедева, – лишен или почти лишен всякого рода украшательства в виде гиперболы, особых эпитетов, параллелизмов, повторов, отчего даже фантастические события должны казаться реальными и достоверными» [Лебедева, 1986, с. 12]. К **тэлуңу ~ тэлуңгу** относятся *исторические предания, сказания и мифы*. Отличительной особенностью произведений жанра **тэлуңу**, как отмечают М. М. Хасанова и А. М. Певнов [2003, с. 234], является *отсутствие названий*, а также «обширный подтекст, мировоззренческая направленность» [Там же, с. 238]. Как правило, **тэлуңу ~ тэлуңгу** исполнялись днем или рано вечером, в отличие, например, от **ниңма**, обычно рассказываемых на ночь, так как они якобы отпугивали злых духов, оберегали рассказчика и слушавших от их коварных замыслов.

Мифы представлены в орокском фольклоре так называемыми «*медвежьими*» мифами (сюжет обычно вариативен: девушка или женщина становится женой медведя и рождает детей, от которых и «пошли ороки»; женщины, идя по ягоды, не досчитываются одной при возвращении: ее утащил медведь, сделав своей женой и др.), этиологическим мифом *о сотворении насекомых* (сестра Силопу Бэгдини (Бэгзини) сжигает самого Бэгдини и, развеивая пепел, превращает частички в кровососущих насекомых: мошек, комаров и пр.), мифом *о небесном охотнике* (богатырь, идя на лыжах по небу, наступает на крупные звезды и «давит» их, они, рассыпаясь, образуют созвездия, в частности, Большую Медведицу) и др. Отличительной чертой орокского мифа (часто – *варианта общетунгусского мифа*) является краткость, при полном отсутствии художественных средств: изложение как будто максимально документально, его отличает «нарочитая недосказанность, подчас как бы обрывочность. Обычно сюжет излагается в нескольких фразах, слушатель же должен знать, **что** кроется за ними, и делать для себя выводы» [Хасанова, Певнов, 2003, с. 239].

Ниңма ~ нимна – *сказка, рассказ (обычно с общетунгусским сюжетом)* – присутствует в орокском фольклоре часто в неполном варианте (сравнительно с аналогичными сюжетными построениями в фольклоре других тунгусо-маньчжуров). Для орокских **ниңма** характерна контаминация сюжетов, когда начало одной сказки «сбивается» на сюжет другой, а завершается часто финалом третьей сказки. В орокском фольклоре представлены **ниңма** двух групп: во-первых, это *сказки о животных*, во-вторых, *героические*, сюжет которых построен на прославлении героя-богатыря или героев, победивших врагов (их основной мотив – это мотив кровной мести, мотив борьбы со злыми силами и др., играющий сюжетообразующую роль, другие мотивы могут выступать как сопутствующие).

Сахури – *волшебная сказка, рассказ* – традиционно предполагает отсутствие авторской редакции и довольно жесткие канонические рамки (невозможность и авторских вставок, и нарушения последовательности изложения эпизодов, и замены или введения новых героев и др.), но орокские волшебные сказки, часто даже в изложении одного и того же рассказчика, записанные в разное время, характеризуются вариативностью как используемых изобразительных средств, так и отдельных сюжетных ходов, их местом в канве повествования. Как жанр устных произведений, заимствованных у других народов (заимствуется, как правило, сюжетная структура), **сахури** выделяется у орочей и нанайцев: *нан. сахор особый жанр героического эпоса* [Оненко, 1980, с. 366], **сихоли** *рассказ (с заимствованным сюжетом)*; **сихоли** – *рассказывать рассказы (с заимствованным сюжетом)*; *ороч. сахари* *сказка (с заимствованным сюжетом)* [ССТМЯ, 2, с. 68]

Паремииологические жанры, игравшие чрезвычайно важную роль в духовной культуре народа, представлены запретами, обращениями к духам, традиционно – к духам умерших, формулами «медвежьего праздника», **нэнэвкэ** (нэнэйвкэ) или

гайаво (гајав ~ гајаво) (*загадками*). **Нэнэвкэ** или **гайаво** в орокском фольклоре немногочисленны, практически это ограниченный двумя десятками общетунгусских загадок пласт. Отличительной особенностью орокских загадок является наличие, с одной стороны, обязательного клишированного зачина, который отмечен практически всеми исследователями: «Ган-ган-гајаво!» и является устойчивым словосочетанием, обозначающее некое обращение «Загадаю-ка я тебе загадку!», и с другой стороны, концовки-вопроса «Хај-ҕа эри?» – «Что это?» или «Нүҕ-үэ эри?» – «Кто это?».

Все паремиологические произведения могут быть условно разделены на обрядовые (традиционные запреты, формулы «медвежьего праздника») и необрядовые (бытовые, «личные приметы» охотников или рыбаков). В орокском фольклоре как самостоятельный жанр собственно запреты не выявлены, обычно они «спрятаны» в рассказах, финалом которых и является запрет в достаточно прямой форме: это либо предупреждение самого духа-хозяина, либо просьба, высказанная обиженным духом или животным и т. п. Например, таковы запреты в рассказах о духе огня (тава эдэни), который приходит во сне к гостю и предупреждает о несчастье, после чего гость делает вывод, что «если не давать огню табак, пищу – он сердится, жилище спалит, огонь надо кормить»), о нерпе, владычице моря (пэттэ-наму эдэни), где нерпа говорит старику: «Если не угощаешь меня табаком, пищей, то я нерпу, рыбу тебе не буду посылать»), об охотнике, побывавшем у медведя, который просил «убивать их только ножом, коля в сердце») и др. В целом система *запрета* регламентировала многие стороны жизни ороков. В основе всякого *запрета* лежало некое суеверие, но суеверие это носило достаточно прагматический характер. Например, нарушение той или иной нормы (не угощение духа огня (очага), проливание кипящей воды на землю, не жертвование водки и табака хозяевам, царям моря и воды и пр.) всегда было чревато немедленным наказанием со стороны обиженного *духа-хозяина*: дом жадного сгорал – его сжигал хозяин огня, хозяин моря переставал посылать добычу, пролитая на землю вода вела к неминуемым бедам, одной из которых могло стать землетрясение (на Сахалине слабые толчки в 1–2 балла привычны и практически не замечаются коренным населением) и т. п.

Обращения к духам воды, леса, огня, земли и т. п. по сути представляли собой просьбы о благополучии, об удаче на охоте, промысле, о здоровье (причем, были исключительно кодированного характера), отличались краткостью и почти всегда сопровождались подношениями (*жертвами*) духу-адресату.

Вообще же орокский фольклор, разнообразный по сюжетам, жанрам и изобразительным средствам, является образцом поэтического искусства одного из самых малочисленных народов тунгусо-маньчжурской группы (около 280 человек), проживавшего достаточно изолированно на о. Сахалин и длительное время соседствовавшего преимущественно с нивхами и немногочисленными сахалинскими эвенками. Устное народное творчество ульга ждет своего исследователя, но как нам кажется, слова, сказанные Н. Б. Киле и Л. Е. Фетисовой о нанайском фольклоре, в полной мере приложимы и к фольклору ороков: «Как и другим непреходящим духовным ценностям, ему принадлежит определенное место не только в культуре нашей страны, но и в мировой культуре» [Нанайский фольклор, 1996, с. 15].

Список литературы

Аврорин В. А. Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л.: Наука, 1986.

Архив Новиковой – Экспедиционные записи К. А. Новиковой, сделанные в 1949–1950 гг. в с. Вал Восточно-сахалинского р-на Сахалинской области. Тетради 1–5. Архив хранится в Институте филологии СО РАН, Новосибирск.

Киле Н. Б., Фетисова Л. Е. Фольклор нанайцев // Нанайский фольклор: Нингман, сioxор, тэлунгу / Сост. Н. Б. Киле. Новосибирск: Наука, Сиб. предприятие РАН, 1998. 478 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока, т. 11).

Лебедева Е. П. Предисловие // Аврорин В. А. Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л.: Наука, 1986.

Лебедева Е. П., Хасанова М. М., Симонов М. Д. Удэгейские ниманку, тэлунгу, ехэ // Фольклор удэгейцев: ниманку, тэлунгу, ехэ / Сост. М. Д. Симонов, В. Т. Кялундзюга, М. М. Хасанова. Новосибирск: Наука, Сиб. предприятие РАН, 1998. 556 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока, т. 18).

Нанайский фольклор: Нингман, сioxор, тэлунгу / Сост. Н. Б. Киле. Новосибирск: Наука, Сиб. предприятие РАН, 1998. 478 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока, т. 11).

Озолиня Л. В. Орокско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2001. 421 с.

Озолиня Л. В. Грамматика орокского языка. Новосибирск: ГЕО, 2013. 375 с.

Окладников А. П. Исторические корни культур народностей Севера // Культура народностей Севера: традиции и современность. Новосибирск: Наука, 1986.

Оненко С. Н. Нанайско-русский словарь. М.: Русский язык, 1980. 552 с.

Петрова Т. И. Язык ороков (ульта). Л.: Наука, 1967. 156 с.

Пилсудский Б. Орокско-польский словарь // Материалы по изучению языка и фольклора ороков. Стеншев, 2001. 126 с.

ПМА – Полевые материалы автора – Л. Озолини, записи, сделанные в 1989–2000 гг. во время экспедиций в с. Вал Ногликского р-на Сахалинской области, с. Некрасовка Охинского р-на Сахалинской области. Тетради 1–8. Архив хранится в Институте филологии СО РАН, Новосибирск.

Сем Л. И., Сем Ю. А., Сем Т. Ю. Материалы по традиционной культуре, фольклору и языку ороков. Диалектологический орокско-русский словарь. // Тр. Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2011. Т. 14: Этнографические исследования.

Смоляк А. В. Представления нанайцев о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976.

ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: В 2 т. / Под ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1977. Т. 2.

Тураев В. А. Предисловие ответственного редактора. Ю. А. Сем, Л. И. Сем, Т. Ю. Сем. Материалы по традиционной культуре, фольклору и языку ороков. Диалектологический орокско-русский словарь // Тр. Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2011. Т. 14: Этнографические исследования.

Фольклор удэгейцев: ниманку, тэлунгу, ехэ / Сост. М. Д. Симонов, В. Т. Кялундзюга, М. М. Хасанова. Новосибирск: Наука, Сиб. предприятие РАН, 1998. 556 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока, т. 18).

Хасанова М., Певнов А. Мифы и сказки негидальцев. С. 239 // Исследования по тунгусоведению 21. Endangered Languages of the Pacific RIM. 2003, F2-024.

Шейкин Ю. И. Особенности развития музыки удэ и других народов Приамурья // Народная музыка СССР и современность. Л.: Музыка, 1982.